

Екатерина Наривончик

**Перекрёсток
непосаженных деревьев**

Екатерина Наривончик

**Перекрёсток
непосаженных деревьев**

«Автор»

2026

Наривончик Е.

Перекрёсток непосаженных деревьев / Е. Наривончик —
«Автор», 2026

Мия Русалкина — банкрот с ипотекой и мужем-предателем. Найдя в подъезде странную сухую ветку, она случайно открывает дверь в Навь — мир, где магия реальна, а за долги могут забрать жизнь. Чтобы выжить, Мия заключает сделку с Хозяином Леса — древним, пугающим духом по имени Бор. Она становится его Хозяйкой, пытаясь навести порядок в дремучем, одичавшем лесу с помощью логистики, акций на гречку и умения торговаться. Но чем дольше она правит этим миром, тем сильнее меняется сама: её кожа твердеет, превращаясь в кору, а в сердце прорастает любовь к тому, кто должен был быть её палачом. Когда Мия возвращается в жестокую реальность Яви, чтобы закрыть старые счета, она понимает, что Навь навсегда стала её единственным настоящим домом. «Перекресток непосаженных деревьев» — это история о том, как выжить в сказке, не потеряв себя, и превратить чудовище в самого верного защитника.

© Наривончик Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Тридцать грамм чернозема.	5
Глава 2. Анатомия метки	9
Глава 3. Анатомия вагона	12
Глава 4. Анатомия злости	16
Глава 5. Экономика чуда	20
Глава 6. Цена билета	24
Глава 7. Анатомия принятия	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Екатерина Наривончик

Перекрёсток непосаженных деревьев

Глава 1. Тридцать грамм чернозема.

Пластиковый стаканчик обжигал пальцы. Не кипятком — вода в нем давно остыла до температуры мертвого болота, — а липким, застоявшимся холодом дешевой пластмассы. Мия Русалкина сидела на нижней полке плацкартного вагона, подтянув колени к самому подбородку, и смотрела на то, как по мутному стеклу ползет одинокая дождевая капля. За окном не было ничего. Ни огней пролетающих станций, ни темных силуэтов деревьев, ни даже привычного мелькания бетонных опор. Там, снаружи, висела глухая, осязаемая чернота, густая, как остывшая смола.

Поезд ритмично стучал колесами, но этот стук казался Мии чужим. Он не убаюкивал, а вбивал гвозди в тонкую фанеру ее черепной коробки.

Она не помнила, как села в этот вагон. В памяти остался только запах — удушливая смесь хлорки, пригоревшего жира из вагон-ресторана и чужого нестиранного белья. И кассирша в окошке, которая смотрела на Мию пустыми, выплывшими глазами, когда та, не глядя в монитор, ткнула пальцем в первый попавшийся ночной рейс. — Верх или низ? — безразлично спросила кассирша. — Все равно, — прошептала Мия, протягивая скомканные купюры.

Ей дали нижнюю полку. И сейчас Мия была за это благодарна. Наверху, под самым потолком, где скапливался жар от калориферов и запах чужих ног, она бы просто задохнулась.

Тридцать грамм чернозема. Именно столько весил ее единственный багаж.

Мия перевела взгляд со стекла на столик. Там, в граненом стакане, который она выпросила у проводницы, стоял он. Сухая, мертвая ветка дуба. Она нашла ее три дня назад у своего подъезда, когда выходила выносить мусор. Ветка была похожа на скрюченную старческую руку:

узловатая, серая, с отслоившейся корой. Мия подняла ее машинально, просто чтобы занять чем-то руки, пока по лестнице поднимались двое.

Поднимались за ней.

Память ударила под дых, вышибая из груди воздух. Мия зажмурилась, и темнота за окном сменилась темнотой ее собственной прихожей.

Тяжелый, резкий запах мужского парфюма, перебивающий вонь мокрой собачьей шерсти от курток. Двое. Один широкий, как холодильник, с головой, идеально вписывающейся в квадрат плеч. Второй — тощий, суетливый, в дорогом, но плохо сидящем пальто. Он постоянно вытирал потные ладони о брюки.

— Русалкина Мия Андреевна? — спросил квадратный. Голос у него был такой же тяжелый, как и он сам — глухой, утрамбованный. — Вы кто? — Мия попыталась загородить собой щель в двери, но квадратный просто поднял ногу в тяжелом ботинке и надавил. Замок хрустнул, как сухая ветка. Дешевая китайская дверь в ее ипотечную студию влетела внутрь, сорвавшись с одной из петель. — Мы от службы взыскания, — суетливый достал из кожаной папки сложенный вчетверо лист. — По договору поручительства номер триста сорок дробь восемь. Ваш супруг, Русалкин Дмитрий Сергеевич, допустил дефолт по кредитному обязательству. Сумма задолженности с учетом пеней — четырнадцать миллионов двести тысяч рублей. Вы, как законная супруга, несете солидарную ответственность... — Бывший супруг, — голос Миш сел до сипа. — Мы в разводе. Уже полгода. Я ничего не подписывала. — По документам вы еще в браке, — квадратный шагнул в квартиру, пинком отбросив в сторону ее домашние тапочки. — И адрес регистрации у вас общий. Так что платить придется. Или отдавать имущество. — Какое имущество? — Мия рассмеялась, и смех вышел истеричным, похожим на лай. — Эта конура в двадцать квадратов? Берите! Только она в залоге у банка, я за нее еще семь лет платить должна! — Уже нет, — суетливый неприятно улыбнулся, показывая мелкие, острые зубы. — Банк переуступил право требования нам. А мы люди не гордые. Квартира теперь наша. В счет погашения части долга. А на остаток, Мия Андреевна, мы начисляем проценты. И они каплют каждый день. Дмитрий Сергеевич, кстати, трубку не берет. Сказал, вы в курсе всех дел и сами разберетесь.

Мия открыла глаза. Слезы жгли веки, но она даже не моргнула, боясь, что картинка за окном — эта бесконечная, маслянистая тьма — исчезнет, и она снова окажется в той квартире, где на кухне уже завтра будут пить чай другие люди, а ее выставят на лестничную клетку с одним мусорным пакетом.

Она потянулась к телефону. Пальцы, сведенные судорогой от напряжения, едва попадали по стеклу.

Дима.

Гудок. Второй. Третий. Вызов завершен.

«Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети».

Мия знала, что он не выключен. Дима просто сбросил ее в черный список. Он всегда был гением по части исчезновений. Десять лет отношений — и вот он, финал: коллекторы с лицами, вырубленными из сырого мяса, и уведомление в госуслугах о том, что на ее единственную собственность наложен арест. Он перевесил на нее свои махинации с какими-то крипто-валютными биржами и теневыми займами так изящно, что комар носа не подточит. Бумаги, которые она подписывала «не глядя» во время их редких примирений, заверенные у знакомого нотариуса, теперь тянули ее на дно быстрее камня.

— Девушка, чай будете? — голос вырвал ее из оцепенения.

Мия вздрогнула. Над ней стояла проводница. Уставшая женщина с глубокими, горькими складками у рта. На ее бейджике криво болталось имя — «Тамара». В руках она держала алюминиевый чайник, от которого пахло железной дорогой и веником.

— Буду, — хрипло сказала Мия. — И стакан. Граненый, если есть. В подстаканнике.

Проводница Тамара удивленно приподняла брови. В эпоху пластика и одноразовой посуды просьба о стекле звучала как архаика. — Есть. Из старых запасов. Только он денег стоит. И заварка моя, липовый цвет. — Я заплачу, — Мия разжала кулак. На ладони лежала смятая сотня. — И сахар. Три ложки.

Проводница кивнула, принимая деньги. Ее взгляд на секунду задержался на стаканчике с веткой, стоящем на столике. — Реликвию везешь? — спросила она без осуждения, просто констатируя факт. — Типа того, — Мия плотнее запахнула ворот старой куртки.

Тамара ушла, тяжело ступая по узкому проходу. Мия снова осталась одна.

Она посмотрела на свои руки. Ногти были обкусаны до мяса. Кожа на костяшках содрана — она не помнила, где и когда поранилась, выбегая из квартиры, пока суетливый показывал ей фотографии. На фотографиях были люди. С переломанными ногами. С лицами, напоминающими отбивные. Суетливый тогда просто положил телефон на ее кухонный стол, прямо на кружевную салфетку, которую вязала еще бабушка, и сказал: «Это не мы. Это те, кому мы продаем долги. Но если ты будешь сговорчивой, мы можем придержать твой контракт в верхнем ящике».

Мия сглотнула вязкую слюну. Во рту стоял привкус желчи и дешевого растворимого кофе, который она хлебнула на вокзале перед посадкой.

Поезд качнуло на стрелке. Вода в граненом стакане проводницы, который та уже успела принести, плеснула через край, залив поддельную дорожную скатерть в пошлых розах. Но вода в ее собственном стакане, где стоял росток дуба, осталась неподвижной.

Мия взяла его в руки.

Ветка была сухой. Абсолютно. Мертвой уже лет пять, не меньше. Ни одной живой почки, ни единого зеленого пятнышка под облупившейся корой. Просто мертвое дерево.

Она поднесла стакан к лицу. От воды пахло не хлоркой, а мокрой землей. Настоящей, жирной, лесной землей после майского ливня. Мия принялась сильнее. Пахло грибами. Пахло прелыми листьями. Пахло тем самым черноземом, который она в детстве воровала из пакетов отца, чтобы пересадить свой первый, зачахший на подоконнике фикус.

Тридцать грамм.

Она купила этот стакан в ларьке у вокзала. Просила налить воды из кулера. Продавщица, зевая, плеснула из пятилитровой баклажки. Но сейчас, в стучащем вагоне, на дне стакана, под самым основанием сухой ветки, Мия увидела его.

Маленький, рыхлый комок. Настоящая земля. Жирная, черная, лоснящаяся в тусклом свете ночника. Откуда она там? Мия не насыпала ее. Она вообще не касалась этой ветки с того момента, как вышла из подъезда. Она просто сунула ее в первый попавшийся пластик, чтобы руки были заняты.

Мия осторожно, одним пальцем, коснулась этого комка.

Земля была теплой.

Вагон качнуло сильнее. Раздался металлический лязг, от которого заложило уши. Свет под потолком мигнул раз, другой, и погас. Плакат погрузился в густую, осязаемую темноту, разгоняемую лишь тусклыми синими светодиодами аварийного освещения над дверями.

Мия замерла. Сердце, до этого колотившееся загнанным зверем, вдруг остановилось. А потом ударило в ребра с такой силой, что перехватило дыхание.

Она не дышала. Вагон не дышал. Весь мир за пределами этого синего, мертвящего света перестал существовать. Остался только стук колес, который вдруг изменился. Теперь это был не размеренный «ту-дух, ту-дух» по рельсам. Это был звук тяжелых шагов по деревянному настилу. Шагов чего-то огромного, что шло снаружи, вдоль поезда, заглядывая в окна.

Мия вжалась в дерматиновую спинку полки. Она хотела закричать, но из горла вырвался только тихий, сиплый писк.

В темноте что-то зашуршало. Не со стороны прохода, где спали под своими колючими одеялами чужие люди. Шуршало прямо на ее столике.

Мия скосила глаза.

Сухая ветка в стакане двигалась.

Она не колыхалась от вибрации вагона. Она жила. Серый, мертвый сучок на ее глазах наливался соком. Коряга, похожая на руку, медленно разжимала пальцы. С нее пластами, как старая змеиная кожа, осыпалась труха, обнажая под собой влажную, глянцевую кору. Из-под коры пробился тонкий, зеленоватый свет. А на самой макушке ветки, там, где должен был быть обрубок, набухла и лопнула крошечная почка, выпустив в спертый воздух вагона облачко светящейся золотой пыли.

Пыльца осела на пальцы Мии.

И там, где она коснулась кожи, прошла острая, живая боль. Не от пореза — боль была глубокой, древесной, словно под ногти Мии начали вбивать микроскопические корни.

— Не бойся, — прошелестело в темноте вагона. Голос был не человеческим. Он звучал как треск лопающейся от мороза коры, как шорох миллионов жуков-короедов под корнями векового леса. — Они не найдут. Я не отдам.

Мия резко обернулась.

Проход был пуст. Сосед с верхней полки мирно похрапывал, свесив вниз тяжелую, пятнистую руку. Проводница Тамара за своей занавеской тихо бормотала во сне, кого-то уговаривая «поешь супчика».

Никого.

Но запах мокрой земли, грибов и звериной шерсти теперь стоял в купе такой густой, что им было невозможно дышать. Он вытеснял кислород.

Мия медленно, не отрывая взгляда от светящейся ветки, протянула руку. Она больше не чувствовала страха перед коллекторами, перед голодом, перед тем, что ей негде будет спать завтра. Страх вытек из нее, как вода из дырявого ведра, оставив после себя звенящую, первобытную пустоту.

Она коснулась зеленого побега.

В ту же секунду поезд влетел в туман.

Он не напознал снаружи. Стены вагона просто растворились в нем. Плотное, молочное, клубящееся марево ворвалось в купе, мгновенно пропитав одежду, волосы, влажное белье на соседних полках. Оно пахло озоном, гарью и чем-то сладковатым, похожим на запах тления.

Синий аварийный свет погас.

Мия Русалкина сидела в абсолютной темноте и тишине. Поезд больше не стучал колесами. Он плыл.

А в ее руке, крепко сжатой в кулак, пульсировал, пробиваясь сквозь кожу, крошечный, но уже неустрашимый древесный корень. В стакане, который она продолжала держать, вместо тридцати грамм чернозема и мутной воды теперь плескалась густая, черная смола, в которой отражались не плафоны вагона, а далекие, холодные звезды чужого неба.

Глава 2. Анатомия метки

Грохот колес вернулся внезапно, ударив по барабанным перепонкам с такой силой, что Мия непроизвольно вскрикнула. Вместе со звуком навалились запахи. Удушливая волна дешевой лапши, пригоревшего машинного масла, хлорки из туалета и чужого несвежего тела ударила в нос, вышибая из глаз слезы. Это была самая прекрасная вонь на свете. Это пахла жизнь. Обычная, грязная, суетливая жизнь плацкартного вагона.

Мия лежала на спине, вжавшись затылком в жесткий валик дерматиновой подушки. Потолок купе плыл перед глазами, покрываясь мелкой рябью. Сверху, с багажной полки, мерно капала вода — наверное, подтекал кондиционер или тающий иней. *Кап. Кап. Кап.* Ритмичный, сводящий с ума метроном.

— Живая? — над ней нависло лицо проводницы Тамары. Морщины на ее лбу стали глубже, а глаза — круглее от неприкрытого страха. — Я ж тебе говорила, не ешь ты эту бич-лапшу, она же мертвая. Очнулась? Давление, поди, рухнуло. На вот, водички.

Тамара вложила в руку Мии теплый, скользкий пластиковый стакан. Пальцы не слушались. Вода выплеснулась на грудь, но Мия этого даже не почувствовала. Ее сознание было все

еще там, в черной пустоте, где пахло озоном и гниющим лесом. Она резко села, вырвав руку из пальцев проводницы.

— Где оно? — хрипло спросила Мия, дико озираясь по сторонам. — Кто «оно»? — Тамара испуганно отшатнулась, перекрестившись. — Девушка, ты белая как стена. Может, «скорую» на следующей станции? У меня аптечка есть, корвалол... — Существо, — Мия вцепилась в ворот собственной куртки, пытаясь вдохнуть, но горло свело спазмом. — За окном. Оно... заходило.

Она перевела взгляд на откидной столик. Столик был на месте. Пластиковый, в дешевых розах. На нем стояла недопитая чашка Тамары и ее собственный граненый стакан. Но стакан был пуст. В нем не было мутной вокзальной воды. Не было черной смолы. Не было молодого дуба с клейкими листьями. На дне лежал только тот самый комок чернозема — тридцать грамм жирной, лоснящейся земли, — а из него, намертво вцепившись корнями в пластик, торчал сухой, мертвый сучок. Обычная коряга. Ни одной зеленой почки. Ни капли жизни.

— Сон, — прошептала Мия, оседая обратно на полку. — Это просто сон. Паническая атака. Я не спала трое суток. Коллекторы... Дима... Я просто уснула и увидела кошмар.

Она попыталась улыбнуться Тамаре, но мышцы лица свело судорогой. Это объяснение звучало логично. Правильно. Взрослые люди не видят рогатых теней, проходящих сквозь стекло. Взрослые люди пьют корвалол и вызывают скорую.

— Ну вот, — с облегчением выдохнула Тамара, принимая эту ложь. — Конечно, сон. Переутомление. На-ка вот, держи.

Она сунула Мии блистер с таблетками валидола. Мия послушно сунула одну под язык. Химическая мята обожгла слизистую, возвращая к реальности.

— Я чай принесу, — кивнула Тамара, забирая пустой стакан. — Липовый. Он нервы успокаивает. И водички наберу, раз тебе для цветка надо. Только ты это... убери его со стола, а то пассажиры увидят, решат, что у нас тут рассадник заразы. Или того хуже — что ты землю с насыпи набирала.

Проводница ушла, тяжело переваливаясь. Мия осталась одна. Она медленно, двумя пальцами, взяла стакан. Земля внутри была влажной. И теплой. Мия поднесла ее к лицу.

Это был не запах вокзала. Пахло озоном после грозы. Пахло прелой листвой, грибницей и диким зверем. Пахло так густо, что этот запах, казалось, можно было намазать на хлеб вместо масла. В тесном пространстве купе, рядом с гудящим титаном и туалетом, этот первородный дух леса был настолько неуместен, что снова начинал кружить голову.

— Галя, я тебе говорю, это все от желчи! — донесся из-за перегородки бодрый бас попутчицы. Звук был обычным, человеческим, и Мия вцепилась в него, как утопающий в спасательный круг. Желчь. Тулу. Бабка. Яйцо. Реальность возвращалась на место.

Мия поставила стакан на пол, под столик, подальше от чужих глаз. Ей нужно было встать. Пройти в туалет, плеснуть в лицо ледяной хлорированной воды, посмотреть на себя в треснувшее зеркало и убедиться, что она — это она. Мия Русалкина, двадцать два года, долгов на четырнадцать миллионов, муж-предатель. Никаких рогатых теней.

Она спустила ноги с полки. Пол под босыми ступнями (туфли она сбросила еще в начале первой сцены, когда ворвались коллекторы) был липким. Мия пошарила рукой по сиденью, нащупывая обувь.

И замерла.

Боль пришла не из головы. Она пришла из левой руки.

Острая, пульсирующая, живая. Словно под кожу, прямо в мясо, вбивали раскаленные иглы. Мия подняла руку к глазам.

Это была ее рука. Тонкое запястье, синие прожилки вен, обкусанные до мяса ногти. Но кожа на внутренней стороне предплечья изменилась.

Там, где в черной пустоте ее коснулся Лешак, проступал сложный, рельефный узор. Он не был нарисован или наколот. Кожа сама собой сложилась в причудливую вязь, напоминающую годовые кольца на срезе дерева. Узор был глубоким, темно-коричневым, и он медленно, на глазах, пульсировал в такт стуку колес. *Ту-дух. Ту-дух.* Словно под тонкой человеческой оболочкой билось второе, древесное сердце.

Мия провела по узору пальцем. Кожа была горячей. И твердой. На ощупь она напоминала не человеческую плоть, а хорошо выделанную кору молодого дуба.

— Сон, — снова прошептала Мия, но в голосе уже не было уверенности. — Это просто... ожог. Я испугалась, когда они ворвались, схватила ветку, она была чем-то облита... химикатами...

Она осеклась. Ветка. Она совсем забыла про нее.

Мия лихорадочно зашарила взглядом по полке. Старая куртка скомкана в ногах. В кармане — пусто. На столике — только стакан с мертвым сучком.

Мия заглянула под полку. Провела рукой по пыльному пространству между своим матрасом и стеной вагона. Ветки не было. Она исчезла.

Вместо нее, там, где должна была лежать сухая коряга, из щели между стеной и полкой тянулся тонкий, но упругий зеленый побег. Он был живым. Он тянулся к тусклому свету ночника, обвивая металлическую ножку столика.

Мия отдернула руку от своего запястья, словно обожглась. Она посмотрела на стакан под столиком. На мертвую ветку. Затем снова на свою руку.

Тишина, которая накрыла их в прошлый раз, не была внешней. Она не глушила поезд. Она изолировала Мию. Лешак не просто напугал ее — он поставил на ней метку. И забрал сухую ветку, чтобы пересадить ее прямо в нее.

Дверь в купе отъехала в сторону с тихим металлическим лязгом. Вернулась Тамара с двумя стаканами в тяжелых железных подстаканниках. — Держи, болезная. И водичку твоему... цветку.

Мия подняла на нее глаза. В полумраке купе ее зрачки расширились, почти полностью затопив голубую радужку. — Оно во мне, — тихо, очень спокойно сказала Мия. — Что? — Тамара замерла с чайником в руке. — Существо. Оно во мне.

Мия медленно, не сводя глаз с побелевшего лица проводницы, подняла левую руку. В тусклом свете дежурной лампы древесный узор на ее коже вспыхнул мягким, малахитовым светом.

Тамара выронила чайник. Горячий липовый чай выплеснулся на линолеум, мгновенно наполнив купе запахом меда и жженных листьев. Но Мия этого не заметила. Она смотрела в окно.

За стеклом, разгоняя ночную темень, снова сгущался молочный, непроницаемый туман. И в нем, прямо напротив их купе, шла огромная, сутулая тень, не касаясь ногами невидимых рельсов.

Глава 3. Анатомия вагона

Липовый чай растекался по линолеуму теплым, медовым пятном, но Мия не чувствовала его жара. Она вообще ничего не чувствовала ниже шеи. Тело превратилось в кусок льда, в котором застыло одно-единственное движение — расширенные от ужаса зрачки, смотрящие на собственную руку.

Узор под кожей больше не был просто рисунком. Древесные кольца налились густой, смолистой темнотой. Мия видела, как под тонкой, натянутой до блеска эпидермой что-то шевелится. Что-то твердое и острое медленно, с чудовищным упорством буравчика, раздвигало мышечные волокна.

Боль пришла секундой позже. Она не была острой — она была глухой, разрывающей, идущей из самой кости. Мия судорожно втянула воздух сквозь сжатые зубы. Запах горелого пластика и дешевой мяты ударил в нос, возвращая сознание.

Она поняла, что сидит на полу. Спина прижата к ножке откидного столика. Правая рука намертво вцепилась в пластиковый стаканчик, который она успела схватить с пола в последнюю секунду. Внутри него, в тридцати граммах чернозема, происходило чудо, от которого стыла кровь.

Росток больше не был бледным и прозрачным. Он налился сочной, ядовитой зеленью. Крошечные листья стали плотными, глянцевыми, а один из корней, пробивших дно стакана, уже обвивал запястье Мии поверх древесного узора. Он пульсировал в такт ее собственному сердцу, и с каждым ударом Мие казалось, что по венам вместо крови течет расплавленный свинец.

— Господи... — выдохнула проводница Тамара.

Звук ее голоса ударил по барабанным перепонкам, как выстрел.

Мия дернулась. Тишина, которая давила на них мгновение назад, исчезла так же внезапно, как и появилась. Мир взорвался шумом. Глухой, ритмичный перестук колес. Скрип старой полки. Тяжелое, астматичное дыхание самой Тамары. И тихий, испуганный шепот.

— Это что за химия? — прошепелявил мужской голос сверху. — Галя, я те говорю, это терроризм. Биологическое оружие.

Мия подняла голову. Купе было на месте. Пластиковые стены, казенные занавески в выцветший цветочек, синий свет ночника. Но людей стало меньше. Парень в наушниках исчез. Его багажная полка была пуста, а аккуратно свернутый матрас лежал на месте. Зато остались они. Те самые «приятные попутчицы» — Петровна и ее молчаливая подруга Галя. Сейчас они сидели на своих нижних полках, вжавшись в угол, и смотрели на Мию так, как смотрят на гремучую змею, заползшую в детскую коляску. Галя мелко крестилась, а Петровна зажимала себе рот пухлой ладонью, но шепот все равно прорывался наружу.

— Сидит на полу, глаза стеклянные... А рука-то, рука! Галь, у нее там ветки растут! Прямо из-под кожи! Это радиация, я тебе точно говорю, мы через зараженную зону едем!

— Мы никуда не едем, — хрипло сказала Мия. Ее собственный голос показался ей чужим — надтреснутым и сухим.

Она попыталась встать. Ноги затекли и не слушались. Корень, обвивший запястье, натянулся. Мия вскрикнула, разжимая пальцы. Стаканчик с землей упал ей на колени, но не перевернулся. Земля внутри него шевелилась.

Мия перевела взгляд на окно. За двойным стеклом не было железной дороги. Там, поглощая редкие огоньки полустанков, висел тот самый туман из ее видения. Плотный, молочный, пахнущий прелой хвоей и сырой землей. Он клубился, и в его глубине Мие мерещились смутные, движущиеся силуэты — слишком крупные для людей, слишком сутулые для зверей.

Нужно было уходить. Сидеть в этом купе, где воздух с каждой секундой становился все более спертым и пахнущим страхом, было нельзя. Дерево внутри нее требовало пространства. Оно хотело расти.

Мия ухватила за край нижней полки, подтянула непослушное тело и встала. Колени предательски дрожали. — Ты куда? — взвизгнула Петровна, заметив ее движение. — Не ходи туда! Там... там эта тварь! — Мне нужно к проводнице, — солгала Мия. — Плохо стало.

Она сделала шаг к двери. Каждый шаг отдавался в ноге тупой болью — корень под кожей, казалось, врастал все глубже, пуская новые отростки к локтевому суставу.

Мия положила ладонь на холодную металлическую ручку двери купе. — Не открывай! — в один голос взмолились женщины, но Мия уже надавила на рычаг.

Замок сухо щелкнул. Дверь отъехала в сторону, и в купе ворвался холод.

Это не был обычный сквозняк из вагонного коридора. Это был мороз, от которого мгновенно немеет кожа. Воздух пах озоном, мокрой корой и абсолютной, звенящей пустотой. Мия шагнула вперед, переступая высокий металлический порог, и замерла.

Коридора не было.

Вместо него, прямо за порогом вагона, начиналась тайга.

Мия стояла на крошечном, узком пяточке линолеума, который обрывался в никуда. Под ногами — привычный гул пола. Но стоило опустить взгляд ниже, как желудок провалился к горлу.

Вагон стоял на камнях. Огромных, замшелых валунах, покрытых сизым лишайником. Там, где должны были быть шпалы и стальные нити рельсов, зияла пустота. Поезд замер на вершине гигантской каменной гряды, посреди бескрайнего, мертвого леса.

Деревья здесь были неестественно высокими. Их стволы, черные и влажные, уходили прямо в низкое, свинцовое небо. Ветви начинались так высоко, что подлеска не было — только ковер из мха и камней. И тишина. Давящая, первобытная тишина, в которой не было слышно даже ветра. Лес стоял неподвижно, наблюдая за железной коробкой вагона тысячами невидимых глаз.

Мия вцепилась пальцами в дверной косяк. Краска на металле была ледяной. — Назад, дура! — прохрипели сзади.

Сильная, пахнущая нафталином и «Красной Москвой» рука схватила Мию за ворот куртки. Петровна, к которой в обычной жизни Мия не рискнула бы подойти ближе чем на метр, с неожиданной для ее комплекции силой рванула ее на себя.

Мия потеряла равновесие. Она взмахнула руками, пытаясь ухватиться за воздух, но пальцы лишь скользнули по ледяному металлу косяка.

Она упала назад, больно ударившись затылком о край полки. Петровна всем своим весом навалилась на дверь, с лязгом задвинув металлическую створку. Щелкнул замок.

В купе снова пахнуло душным теплом, дешевой едой и липовым чаем. Галя дрожащими руками задвинула плотную синюю шторку на окне, отсекая вид на каменную тайгу. — С ума сошла, девка, — тяжело дыша, прохрипела Петровна, оседая на свою полку. — Куда тебя понесло? Жить надоело?

Мия лежала на полу, глядя в потолок. В ушах шумело. На лбу выступила холодная испарина. Дверь была закрыта. Тамара с ее аптечкой осталась где-то в другом вагоне, за стеной этой невозможной, окаменевшей реальности.

Мия медленно села. Она посмотрела на свои колени. Стаканчик чудом не разбился. Земля внутри него была черной и маслянистой. А на самом верху, пробивая корку чернозема, тянулся вверх новый, упрямый зеленый росток. Он рос на глазах, удлиняясь с каждым судорожным вздохом Мии.

— Что это было? — прошептала Галя, глядя на задернутую шторку. — Галлюцинация? Массовая? — Какая галлюцинация, — Петровна сплюнула на пол (чего никогда не делала при чужих) и перекрестилась. — Это Навь, девки. Мы в Навь заехали. Я про такое от бабки слышала. Кто в туман этот войдет — не возвращается. А кто возвращается, тот уже не человек.

Мия перевела взгляд на свою левую руку. Древесный узор теперь покрывал кожу от запястья до самого локтя. Он перестал болеть. На смену разрывающей агонии пришло странное, тянущее чувство сытости. Дерево внутри нее пустило корни. Оно нашло воду.

— Нам нельзя здесь оставаться, — тихо, но твердо сказала Мия, глядя на попутчиц. — Оно смотрит на нас. Оно ждет, пока мы откроем дверь. — Куда ж нам ехать? — истерично хохотнула Петровна. — Рельсов-то нет! Камни кругом! Стоим посреди леса, как дураки!

В этот момент вагон качнуло. Это не был привычный толчок на стыке. Это был тяжелый, медленный крен, словно неведомая сила, навалившаяся на крышу, пыталась перевернуть их жестяную коробку. С верхних полок посыпались забытые кем-то вещи — пластиковая бутылка, чей-то шарф.

С потолка, из вентиляционной решетки, посыпалась сухая хвоя.

Запах тайги — густой, хвойный, влажный — начал просачиваться сквозь щели в полу и дверных уплотнителях. Он вытеснял запах курицы. Он вытеснял запах людей.

— Оно лезет сюда, — прошептала Галя, становясь блее своей кофты. — Господи, оно уже в трубе...

Мия вскочила на ноги. Страх, парализовавший ее минуту назад, сторел дотла, оставив после себя звенящую пустоту. — Собирайте вещи, — скомандовала она. Голос больше не дро-

жал. — Берите документы, деньги. Все теплое. — Ты что удумала? — Петровна вцепилась в свою сумку. — Куда мы пойдем? В лес к лешему в пасть? — В другой вагон, — Мия кивнула на внутреннюю дверь, ведущую в тамбур их вагона. — Если наш вагон оторвался и встал на камни, сцепка с остальными могла уцелеть. Там люди. Там проводники. Мы пройдем через весь состав.

Она посмотрела на стаканчик в своей руке. Росток внутри уже доставал до краев. — Я пойду первая, — сказала Мия. — Если со мной что-то случится... вылейте на меня чай. Липовый. Он его, кажется, не любит.

Не дожидаясь ответа ошеломленных женщин, Мия шагнула к двери в коридор вагона. Она больше не была той затюканной девочкой, которая подписывала бумаги не глядя. Внутри нее рос лес, и этот лес требовал дороги.

Глава 4. Анатомия злости

Холод, ударивший из-под двери купе, не был сквозняком. Это была пустота. Мия стояла на пороге, вцепившись побелевшими пальцами в металлическую ручку. За синей дерматиновой шторкой больше не было узкого коридора с оранжевыми ковровыми дорожками. Там, в трех шагах от нее, дышала влажная, гниющая тайга.

Мия сделала полшага вперед, занося ногу над порогом. Подошва кроссовка должна была коснуться линолеума тамбура. Но линолеума не было. Вместо него ступня встретила упругий, влажный мох. Носок тут же промок от ледяной росы. Воздух ударил в лицо запахом прелой листвы, озона и чего-то мускусного, звериного. Огромные, черные стволы деревьев-великанов стояли так плотно, что неба не было видно вовсе — только переплетение ветвей, сквозь которое едва пробивался мертвенный, зеленоватый свет.

Вагон стоял на каменной гряде, но камни здесь были живыми. Они поросли седым лишайником, и из трещин в граните тянулись тонкие, бледные корни, оплетавшие стальные колеса поезда, словно щупальца осьминога.

Мия отшатнулась. Сердце пропустило удар и рухнуло куда-то в желудок. — Нет, — прошептала она, упираясь спиной в дверной косяк купе. — Нет-нет-нет.

Она попыталась разжать пальцы, чтобы отпустить ручку и захлопнуть дверь, но мышцы свело судорогой. Взгляд Мии метнулся вверх, вдоль дверного проема. Металлическая коробка вагона заканчивалась. Прямо над ее головой, там, где должен был быть стальной порог и резиновый уплотнитель, сталь «текла». Она темнела, покрываясь глубокими продольными трещинами. Из-под облупившейся краски проступала фактура — влажная, узловатая кора.

Мия почувствовала, как левая рука — та самая, с древесным узором — начала неметь и тяжелеть. Корни под кожей дернулись, словно пытаются прорвать плоть и вцепиться в дверной косяк.

— Соberись, — прохрипела Мия, трясая головой. — Это морок. Он лезет в голову. Петровна, Галя...

Она обернулась через плечо, ища глазами попутчиц, чтобы крикнуть им, чтобы они увидели, чтобы их паника отрезвила ее.

Купе было пусто.

Смятые простыни на нижних полках. Валяющийся на полу пластиковый стаканчик. Липкое пятно от пролитого чая. Ни Гали. Ни Петровны. Ни их сумок. Ни парня в наушниках. Воздух в купе стремительно остывал, превращаясь в лесной воздух. Пахло хвоей.

Мия сделала судорожный вдох. В горле пересохло. Она снова посмотрела на потолок. Плафон ночника треснул. Из-под пластикового рассеивателя полезла древесина. Коричневая, смолистая, покрытая сизым налетом. Потолок опускался. Десять сантиметров. Пять. Огромная ветвь нависла прямо над макушкой Мии. С нее, медленно вращаясь, сорвалась капля густой, черной смолы и упала Мие на плечо. Ткань куртки задымилась, кожу обожгло химическим жаром.

Мия закричала.

Это был не человеческий крик — это был визг животного, загнанного в угол. Она рванулась назад, вглубь купе, спотыкаясь о собственные ноги. Она хотела бежать, хотела спрятаться под столик, хотела проснуться.

Но ноги подкосились.

Тело, истощенное адреналином, бессонницей и шоком, отказалось подчиняться. Мозг просто выдернул предохранитель. Мия рухнула на пол, больно ударившись виском о край металлической ножки откидного столика.

Она не потеряла сознание. Она провалилась в сон.

Это был не отдых. Это была вязкая, черная смола, заливающая сознание. Мия чувствовала, как падает, но падения не было. Она лежала на полу, а мир вокруг нее продолжал меняться в этой абсолютной, глухой тишине.

Она спала, но ее чувства работали. Она чувствовала, как холод вагона сменяется теплом гниющей органики. Она чувствовала, как стальная ножка столика, о которую она ударилась, становится мягкой и податливой, как мокрая глина. Она чувствовала, как дерево поглощает вагон.

Сколько это длилось — секунду или час — Мия не знала.

Она пришла в себя от того, что затекла шея.

Мия открыла глаза. Она лежала на том же месте, на полу купе, свернувшись калачиком. Во рту стоял медный привкус крови — она прикусила язык при падении.

Вагон стоял. Тишина была густой, но это была тишина неподвижного, спящего механизма.

Мия медленно, опираясь на дрожащие руки, села. Первое, что она сделала — посмотрела на стаканчик. Она не выпускала его из рук даже во сне.

Росток изменился. Земля внутри стала маслянисто-черной. А на самой макушке тонкого, но уже окрепшего ствола набухла крупная, тугая почка. Она пульсировала, наливаясь соком. Мия замороженно смотрела, как почка лопается с тихим, влажным звуком, выпуская первый настоящий лист. Он был не бледно-зеленым, а темным, почти изумрудным, с красноватыми прожилками. Он пах весной. Он пах жизнью.

— Растешь, — хрипло выдохнула Мия. — Ну и черт с тобой. Расти.

Она подняла голову и огляделась. Купе было пустым. Петровна, Галя, парень в наушниках — все исчезли вместе со своими вещами. Дверь в коридор была плотно закрыта. Мия поднесла руку к лицу, чтобы стереть испарину, и замерла.

Левая рука. Древесный узор теперь покрывал кожу от запястья до самого локтя. Рельеф стал грубым, шершавым. Кое-где кора уже начала отслаиваться мелкими чешуйками. Мия попыталась пошевелить пальцами. Сустав щелкнул, но поддался. Корни внутри нее еще не срослись с костями намертво, но уже настойчиво диктовали свои правила.

И тут она услышала звук.

Скрежет. Высокий, пронзительный, рвущий перепонки звук металла, по которому с силой ведут чем-то твердым и зазубренным. *Krrrrr... Krrrrr...*

Мия задрала голову.

Потолок купе, который она видела перед тем, как упасть в обморок, снова менялся. Пластиковые панели пошли рябью. Желтоватые разводы вытянулись, превращаясь в темные, влажные прожилки. Затем пластик начал темнеть, наливаясь глубоким, болотным коричневым цветом.

Краска вспучилась и начала отслаиваться крупными, сухими кусками. Под ней была кора. Настоящая, толстая, дубовая кора, покрытая сизым лишайником. Плафон ночника треснул, и лампочка внутри него лопнула, раздавленная напиранием изнутри древесины.

Потолок исчез. Прямо над головой Мии, в десяти сантиметрах от ее макушки, нависала исполинская ветвь. Она была толщиной с хорошую сваю. Ржавые шляпки гвоздей, которыми был прибит оригинальный потолок, теперь торчали из коры, как шляпки гигантских грибов.

Мия медленно, не дыша, попятилась назад, пока не уперлась поясницей в ножку столика. Она не могла отвести глаз от этой ветки. По ней — Мия видела это совершенно отчетливо — бежал муравей. Обычный лесной муравей, черный и блестящий, тащивший на себе сухую еловую иголку. Он скрылся в глубокой трещине коры.

— Так, — сказала Мия в звенящую тишину. Голос был чужим, севшим. — Спокойно. Я ударилась головой. У меня сотрясение. Я сейчас посчитаю до десяти, и этот бред закончится.

Она закрыла глаза и сжала в кармане куртки бесполезный пластиковый билет. Раз. Вагон пахнет хвоей. Два. Рука покрыта корой. Три. На потолке сидит муравей.

— Это бред, — прошептала она, открывая глаза. — Вагон не может стать деревом. Вагон — это железо. ГОСТ. Сталь.

Она посмотрела на металлическую ручку двери купе. Ручка тоже менялась. Хромированный металл «оплывал», теряя форму. Он вытягивался, темнел, покрывался глубокими продольными трещинами. Металл сопротивлялся, он пытался сохранить свою суть, но дерево было сильнее. Ручка превратилась в узловатый, сухой корень, мертвой хваткой вцепившийся в дверную панель.

— Хорошо, — Мия почувствовала, как внутри поднимается глухое, черное раздражение. Страх отступил, выжженный усталостью. Осталась только злоба. — Дерево так дерево.

Она повысила голос, обращаясь к нависающему над ней потолку, к этому лесу, который медленно пожирал их стальной гроб: — Слышишь меня?! — крикнула она, и звук ее голоса странно искажился в древесной утробе вагона, приобретая эхо. — Я знаю, что это ты! Ты, который за окном стоял! Хозяин!

Скрежет на секунду затих. Муравей на ветке замер, пошевелив усиками.

Мия сжала кулаки. Корни под кожей предплечья болезненно шевельнулись, но она проигнорировала боль. — Я не знаю, чего ты от меня хочешь! — выплюнула она в потолок. — Ты влез в мою голову? В мою руку? В мой поезд? Забирай всё! Но если ты думаешь, что я буду сидеть в углу и плакать, как эти тетki, то ты ошибся вагоном! Мне нечего терять! Слышишь? Нечего!

Она шагнула к двери, прямо под нависающую ветвь. С потолка сорвалась капля густой, темной смолы и упала ей на плечо, мгновенно прожигая ткань куртки и обжигая кожу химическим жаром. Мия даже не поморщилась. — Я иду в коридор, — четко, разделяя слова, произнесла она. — Если тебе есть что сказать — говори. Если хочешь сожрать меня — попробуй. Но я устала бежать.

В ответ на ее слова по вагону прошел низкий, утробный гул. Это не был звук. Это была вибрация самой древесины. Дерево вокруг Мии вздохнуло.

Ветвь на потолке дрогнула. Кора на ней начала расходиться, как раскрывается бутон. Из темной, влажной сердцевины дерева на Мию смотрело бы лицо, но там была лишь глухая, пульсирующая пустота.

— Хозяин, — прошептал голос, и казалось, что говорит сам воздух, сам пластик полка, сама сталь вагона. Голос был сухим, как треск ломающихся веток. — Ты звала Хозяина.

Мия сглотнула. Ком в горле стоял колом. Дерево пахло сыростью и медью. — Я звала, — хрипло подтвердила она, глядя в пустые глазницы древесной маски. — И что? Где ты? Выходи. Покажись. Хватит шептать из углов!

Она сделала шаг вперед, прямо под сучковатую массу, заменявшую лицо. — Я. Сказала. Выходи, — по слогам бросила она в потолок.

Ветви над головой заскрипели, сгибаясь ниже. Смола закапала чаще, прожигая дыры в линолеуме. Воздух стал густым, тяжелым, им невозможно было дышать. Но ответа не было.

Только бесконечный, сводящий с ума скрежет коры о металл, который теперь звучал со всех сторон — от стен, от пола, от самого воздуха. И тяжелое, безмолвное присутствие чего-то огромного, что смотрело на нее сквозь потолок, но отказывалось явить себя.

— Понятно, — медленно произнесла Мия, опуская руки. Раздражение сменилось ледяной, звенящей яростью. — Играем в молчанку.

Глава 5. Экономика чуда

Тишина, повисшая после слов Мии, была тяжелой и многослойной. Она состояла не из отсутствия звука, а из его ожидания. Мия стояла посреди гниющего купе, вцепившись пальцами в дверную ручку, которая медленно покрывалась влажной корой. Она смотрела в пустые глазницы древесной маски на потолке, ожидая ответа, которого не было.

И тогда тело напомнило о себе.

Первый спазм был коротким, но болезненным — словно кто-то невидимой рукой сжал желудок и резко провернул. Мия инстинктивно прижала свободную правую ладонь к животу под ребрами.

А затем он заурчал.

Звук был оглушительным в этой ватной, древесной тишине. Это не было обычное человеческое урчание от голода. Это был низкий, утробный, вибрирующий рык, похожий на звук, с которым тяжелый механизм заводит свои шестерни. Живот выл, требуя топлива. Он звучал как голос совершенно чужого, озверевшего от пустоты существа, запертого внутри ее грудной клетки.

Моргнув, Мия перевела взгляд со сучковатой массы на потолке на откидной столик.

Там, в тусклом свете аварийной лампы, который теперь казался болезненно-желтым и зеленоватым, лежали продукты. Те самые, что Петровна и Галя раскладывали перед сном. Те, что пахли курицей и вафлями «Коровка».

Мия сделала шаг к столику. Пол под ногами пружинил. Линолеум стал мягким, пористым, и сквозь его рисунок проступали тонкие, белесые нити грибницы.

Она опустила глаза на еду.

Голод, скручивавший внутренности, на секунду отступил, уступая место ледяному, тошнотворному ужасу.

На расстеленной газете лежала копченая курица. Вернее, то, что от нее осталось. Кожа приобрела трупный, перламутрово-синий оттенок и покрылась густым слоем сизой, пушистой плесени. Но самым страшным было не это. Курица... дышала. Плесень медленно, ритмично колыхалась, словно внутри тушки еще билось какое-то инородное, грибное сердце. От нее поднимался едва заметный парок, пахнувший сладковатым трупным ядом и мокрой шерстью.

Рядом лежал надкушенный батон белого хлеба. Мия видела его еще днем — свежий, мягкий, с поджаристой корочкой. Сейчас хлеб напоминал застывшую лаву. Корка вздулась черными пузырями, а мякоть внутри превратилась в серую, влажную губку, из которой торчали тонкие, острые, как иглы, темно-красные усики. Они подрагивали, реагируя на тепло человеческого тела.

Пластиковая коробка с вафлями «Коровка» покрылась желтым, маслянистым потом. Сами вафли слиплись в единый, бесформенный ком, который пульсировал и медленно менял форму, растекаясь по пластику.

— Что за... — прошептала Мия.

Ее голос сорвался. Она попятилась, врезавшись спиной в ножку нижней полки. Дерево за ее спиной глухо, обиженно ухнуло.

Желудок взвыл снова. На этот раз боль была такой острой, что в глазах потемнело. Мия согнулась пополам, хватая ртом воздух. Это была не просто потребность в еде. Это была агония. Каждая клетка ее тела кричала о глюкозе, о белке, о чем угодно, что можно сжечь ради энергии. Дерево внутри нее, проросшее сквозь руку, тоже требовало своего. Она чувствовала, как корни под кожей предплечья пульсируют в такт спазмам желудка, вытягивая из нее последние остатки жизненных сил.

«Если я не поем сейчас, я просто упаду», — пронеслось в голове. — «И тогда оно меня сожрет. Или я сама стану такой же синей курицей».

Мия заставила себя разогнуться. Она снова посмотрела на столик, прищурившись, пытаясь найти хоть что-то, что не пытается уползти или покрыться мхом.

Ее взгляд зацепился за угол стола.

Там, придавленная пустой кружкой из-под липового чая, лежала целлофановая упаковка. Крекеры. «Нежные». С луком.

Мия метнулась к столу. Движения были дергаными, ломаными, как у марионетки. Она схватила пачку. Целлофан был на ощупь неприятно скользким, но герметичным. Она рванула его, разрывая тонкий пластик ногтями, не чувствуя, как они ломаются.

Внутри лежали ровные ряды золотистых квадратиков.

Мия даже не стала садиться. Она рухнула коленями на мягкий, пружинящий пол прямо у столика, пачкая джинсы в черной земле, высыпавшейся из ее стакана. Она схватила сразу горсть крекеров и затолкала их в рот.

Первый укус был актом чистого отчаяния.

Сухой, безвкусный крахмал ударил по рецепторам. Крекеры царапали пересохшее горло, но Мия не жевала — она давилась, проталкивая их внутрь, чтобы они заняли место в пустом желудке и заставили его замолчать.

Она глотала, почти не чувствуя вкуса лука. Горло отказывалось проталкивать сухую массу, но голод был сильнее рвотного рефлекса. Мия захрипела, схватила остатки пачки и высыпала их себе в ладонь.

Она ела.

Это был первобытный, животный процесс. Хруст раздавливаемых галет на зубах казался в тишине купе ружейными выстрелами. Мия загребала еду грязными пальцами, пачкая щеки мучной пылью. Она не чувствовала себя человеком. Она была дырой, воронкой, которая пыталась заполнить пустоту внутри себя чем угодно, лишь бы не исчезнуть.

Желудок, приняв первые крохи, на секунду затих, переваривая. Боль отступила на миллиметр, сменившись тяжелым, тянущим чувством.

Мия остановилась.

Она сидела на полу, тяжело дыша открытым ртом. Пальцы ее правой руки были покрыты липкой мучной грязью. На полу, у ее колен, валялось с десятков надкушенных, раздавленных крекеров.

Она посмотрела на пачку.

Там осталось меньше половины. Тонкая, почти невесомая прослойка золотистых квадратиков.

Мия медленно поднесла руку к лицу. Она посмотрела на свои пальцы, на крошки, застрявшие под обломанными ногтями.

И в этот момент наваждение схлынуло.

Древесный гул в ушах, запах плесени, пульсирующая кора на руке — все это отошло на второй план, уступив место одной-единственной, кристально ясной мысли.

Еды больше нет.

Мия перевела взгляд на испорченную курицу. На дрожащий хлеб. На полку, где должна была стоять ее дорожная сумка с вещами. Сумки не было. Ни сменной футболки, ни зубной щетки, ни зарядки для телефона. Ни кошелька с остатками наличности.

Она посмотрела на окно. За толстым двойным стеклом, там, где раньше была платформа или лесополоса, теперь стояла глухая, непроницаемая стена тумана. Но этот туман больше не был просто белым. В его молочной толще медленно проплывали темные, угловатые тени, размером с дом. Они двигались плавно, перетекая друг в друга, и Мия была уверена, что если они коснутся вагона, дерево поглотит металл за секунды.

Она в Нави. Это не сон. Это не бред от удара головой. Это ее новая реальность.

Мия подтянула колени к груди, обхватывая их руками, и горько, истерически рассмеялась. Смех был сухим, ломким, он царапал горло сильнее, чем крекеры.

— Фильм ужасов, — прохрипела она, глядя на потолок. — Я попала в гребаный фильм ужасов.

Она посмотрела на пачку крекеров в своей руке. Полпачки. На сколько их хватит? На день? На два? Если она будет грызть по одному, экономя, — на три. А что потом?

Мия поднесла крекер ко рту, но зубы не сжались. Она смотрела на золотистый квадратик, и ей казалось, что она держит в руках не еду, а золотой слиток в эпицентре ядерного взрыва. Каждая крошка теперь имела вес. Каждая молекула крахмала была бесценна.

Она положила крекер обратно в пачку. Руки дрожали. Это был не просто страх смерти. Это был холодный, аналитический расчет животного, запертого в клетке. Еда — это время. Еда — это возможность не сойти с ума. Еда — это топливо, чтобы дойти до другого вагона, о котором она кричала потолку.

А у нее осталось меньше половины пачки «Нежных».

— Так, — сказала Мия вслух. Голос звучал пугающе ровно. Она больше не кричала на Хозяина. Она начала инвентаризацию. — Дышим.

Она заставила себя разжать объятия собственных коленей. Выпрямила спину. Посмотрела на свою левую руку. Древесный узор на ней, казалось, стал еще темнее, впитав в себя полумрак купе. Корни пульсировали медленно, сыто. «Оно питается мной», — поняла Мия. — «Оно пьет мои соки, поэтому я хочу жрать как волк».

Она посмотрела на стаканчик, стоящий на полу. Росток внутри него заметно подрос. Он выпустил еще два листа, и они уже не были нежно-салатовыми. Они налились жесткой, темно-зеленой, почти болотной зеленью. Листья хищно поблескивали в полумраке.

— Ладно, — Мия кивнула сама себе. — Правила ясны.

Она медленно поднялась на ноги. Колени затекли и отозвались тупой болью. Она перешагнула через рассыпанные крекеры, стараясь не наступить на них.

— Играем в молчанку, — повторила она, глядя в пустые глазницы на потолке. — Хорошо. Я тоже умею молчать.

Она подошла к двери купе. Металлическая ручка окончательно превратилась в узловатый корень. Мия не стала пытаться его вырвать — она знала, что это бесполезно. Вместо этого она нащупала пальцами стык между дверным полотном и косяком.

Двери в старых вагонах имели небольшой зазор.

— Фильм ужасов, — повторила она, просовывая пальцы в щель и пытаясь нащупать язычок замка с той стороны. — Но в фильмах ужасов всегда есть второй акт. А второй акт начинается с того, что героиня перестает жрать крекеры и начинает искать выход.

Пальцы нащупали холодный металл замка. Мия уперлась ногой в ножку столика, всем весом наваливаясь на дверь, пытаясь создать рычаг. Корень-ручка протестующе заскрипел.

— Полпачки, — прошептала Мия, чувствуя, как дверь поддается на миллиметр. — У меня есть полпачки крекеров и рука, которая превращается в дерево.

Дверь с громким, влажным чавканьем — звук был похож на то, как отрывают присосавшуюся пиявку — отъехала в сторону на пару сантиметров. В образовавшуюся щель тут же ворвался ледяной воздух коридора, пахнувший озоном и свободным пространством.

Мия замерла, вглядываясь в темноту за порогом. Тамбур был на месте. Линолеум тамбура выглядел обычным, хотя и блестел от изморози.

Она протиснулась в щель, прижимая к груди драгоценную пачку крекеров, как спасенного младенца. Оказавшись в коридоре, она плечом толкнула дверь купе обратно. Дерево неохотно, со стоном сжатой пружины, встало на место. Замок щелкнул.

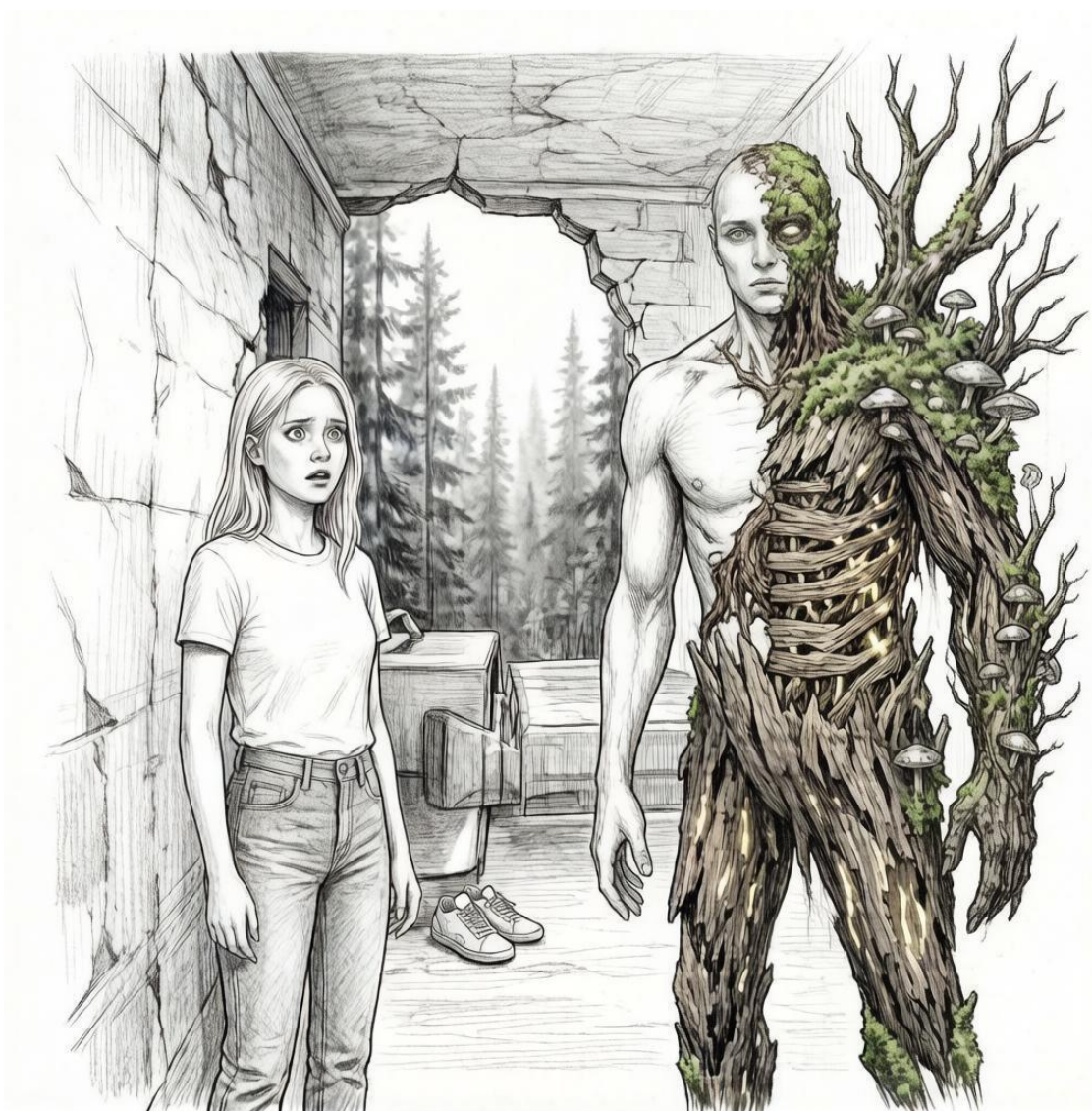
Мия осталась одна в коридоре спящего вагона. Слева — туалет и переход в другие вагоны. Справа — титан и тамбур.

Желудок снова издал тихий, предупреждающий рык. Мия посмотрела на пачку в руках. Полпачки.

— Выживем, — сказала она пустой темноте вагона. — У нас нет другого выхода.

Она сделала шаг в сторону титана, стараясь ступать как можно тише. Древесный узор на руке едва заметно светился в темноте пульсирующим, малахитовым светом, освещая ей путь.

Глава 6. Цена билета

Коридор вагона встретил Мию мертвой, звенящей тишиной. После влажного, гниющего уюта купе, где дерево дышало и пульсировало, здесь царил холод склепа. Линолеум под ногами покрылся тонкой коркой инея, который хрустел при каждом шаге с противным звуком ломающегося стекла. Мия прижала к груди пачку крекеров, словно щит. Полпачки. Эта мысль билась в висках набатом. Полпачки на неопределенный срок в месте, где вода, судя по состоянию курицы Петровны, давно превратилась в жидкую плесень.

Голод отступил, загнанный вглубь волевым усилием, но на смену ему пришла жажда. Во рту стоял привкус крови и дешевой муки, горло драло так, будто она глотала битое стекло. Сухость была физической мукой.

«Вода», — мысль возникла в голове не как желание, а как сухой, математический факт. Без воды она протянет сутки. С полпачкой крекеров — трое. Значит, вода — приоритет.

Мия сделала еще один шаг по ледяному линолеуму, направляясь к титану в дальнем конце вагона.

И в ту же секунду, как мысль о воде окончательно оформилась в решение выйти наружу — к туалетному крану или, если придется, к лужам в этой каменной тайге — ее тело прошел разряд.

Это не был обычный озноб.

Температура упала мгновенно. Воздух в коридоре превратился в жидкий азот. Мия увидела, как облачко пара сорвалось с ее губ. Зубы клацнули друг о друга с такой силой, что она прикусила язык. Боль была острой, соленой. Но она не успела даже вскрикнуть.

Прямо перед ней, перегораживая проход к титану, из воздуха соткалась фигура.

Он не вошел в вагон. Он просто проявился в пространстве, словно изображение на фотобумаге, опущенной в проявитель. Сначала проступил тяжелый, землистый силуэт, затем — фактура.

Мия отшатнулась, вжимаясь спиной в ледяную стену коридора. Пачка крекеров хрустнула в сведенных судорогой пальцах.

Перед ней стоял Лешак.

Первая, животная реакция — ужас. Липкий, парализующий, заставляющий мочевой пузырь сжаться. Существо было огромным. Оно заняло собой весь коридор, упираясь рога-той головой в потолок, который над ним пошел трещинами и начал сочиться черной смолой. От него пахло не просто лесом — пахло могилой. Сырым черноземом, в котором разлагается листва, прелой корой и медью.

Мия зажмурилась, готовясь к удару, к тому, что древесные корни вырвутся из пола и утянут ее вниз. Но удара не последовало.

Прошла секунда. Вторая.

Мия рискнула приоткрыть один глаз.

Существо не двигалось. Оно просто стояло в коридоре, и вагон вокруг него стонал, подстраиваясь под его габариты.

Мия заставила себя опустить взгляд ниже.

Мифы врут. Или, точнее, они упрощают. Леший из сказок — это старичок в лапоточках, косматый, но понятный. Этот же был чудовищем, в котором анатомия человека боролась с анатомией леса, и лес побеждал.

Слева он был все еще мужчиной. Мия видела очертания плеча, мощного, человеческого, покрытого бледной кожей. Там, где должна была быть ключица, из плоти рос узловатый корень, уходящий прямо в грудную клетку. Ребра с этой стороны выпирали неестественно, но это была анатомия *Homo sapiens*.

Но правая половина тела принадлежала лесу. Плечо переходило в массивный, покрытый мхом и грибами древесный ствол. Рука заканчивалась не кистью, а сложным сплетением ветвей, из которых торчали почерневшие, острые сучья, похожие на колья. Ребра с правой стороны были обнажены, но это были не кости — это были слои трухлявой, влажной древесины, из которых росли тонкие, белые, фосфоресцирующие нити грибницы. Они пульсировали в такт какому-то медленному, подземному ритму.

Ноги уходили в пол. Мия видела, как линолеум в том месте, где ступал Хозяин, темнеет и превращается в прах, обнажая камень. Его стопы были сращены с корнями, которые уже оплетали металлические балки каркаса вагона.

— Ты звала, — голос Лешака не был громким. Он не гремел. Он звучал как шелест опавшей листвы под ногами великана. Он шел не изо рта — казалось, звук рождается в самой древесине его грудной клетки. — Ты требовала. Я здесь.

Мия вжалась в стену. Холод от металлической обшивки вагона прожигал куртку насквозь, но она этого не чувствовала. Ее трясло от адреналина.

— Где они? — голос Мии сорвался на сип. — Петровна. Галя.

Лешак медленно повернул голову. Движение было нечеловеческим — шея не хрустела, она просто переламывалась в суставах, как сухая ветка. Его лицо было асимметричным. Левая сторона — грубое, заросшее седой щетиной лицо уставшего мужика лет пятидесяти. Правая — сплошной массив коры, из которой на Мию смотрела пустая, темная глазница.

— Они сделали выбор, — прошелестел Хозяин. — Они выбрали страх. Страх — это гниение. Они стали удобрением.

Мия сглотнула соленую кровь из прокушенного языка. — Удобрением для чего?

— Для меня, — просто ответил Лешак. — Для леса. Для порядка.

Он сделал шаг вперед. Коридор вагона сузился. Стены из пластика и стали начали выгибаться дугой, уступая ему место.

— Ты тоже станешь им, — продолжил Хозяин, и его человеческий глаз, немигающий и желтый, как у совы, уставился на Мию. — Ты уже начала. Твоя левая рука. Твой голод. Навь не терпит пустоты, но она ненавидит слабость. Ты пуста, Мия. Твой муж выжал тебя, как губку. Коллекторы выпили остатки. В тебе нет огня. Только труха. Дерево это знает. Оно уже пьет тебя.

Мия почувствовала, как корни под кожей предплечья дернулись, соглашаясь. Они действительно пили. Она чувствовала тянущую, сосущую пустоту в руке, которая распространялась выше, к плечу.

— Зачем я тебе? — спросила она, пытаясь выиграть время. — Если я пуста, зачем тебе пустая кукла?

Лешак усмехнулся. Улыбка на его человеческом лице выглядела жутко — она обнажила зубы, которые с одной стороны были желтыми от табака, а с другой — острыми, как сосновая щепка, из которых сочилась смола.

— Не ты, — пророкотал он. — Отдай.

Его правая, древесная рука поднялась. Пальцы-сучья указывали не на Мию, а на ее живот, где под курткой она прятала стаканчик. — Отдай росток.

Мия инстинктивно, быстрее, чем успела подумать, обхватила стакан обеими руками. Пластик жалобно хрустнул. — Нет, — выдохнула она.

— Отдай, — голос Хозяина стал ниже. Вагон задрожал. С потолка посыпалась труха. — Это семя. Это ключ. Оно не твое. Оно — якорь. Ты притащила его в Навь, и теперь Навь тянется за ним. Ты мешаешь. Ты нарушаешь слои. Отдай росток, и я вырву дерево из твоей руки. Я верну тебя.

— Куда? — Мия почувствовала, как внутри, под слоем липкого ужаса, снова поднимается глухое, черное раздражение. — Куда ты меня вернешь?

— В твою жизнь, — Лешак сделал еще один шаг. Теперь их разделяло не больше двух метров. — В твою студию. К твоему долгу. К твоему мужу.

Это слово — «муж» — сработало как спусковой крючок.

Мия истерически рассмеялась. Смех был хриплым, безумным, он эхом отразился от сужающихся деревянных стен вагона. — К мужу? — она почти выплюнула это слово. — Ты предлагаешь мне вернуться к Дмитрию?

Лешак замер. Его человеческий глаз моргнул.

— К твоей квартире, — поправился он, словно подбирая слова. — К твоим вещам. К людям. К солнцу.

— Квартира в залоге, — Мия качнула головой, крепче прижимая к себе стакан. Росток внутри, казалось, тоже прижался к стенкам, его листья мелко дрожали. — Дмитрий перевел на меня свои долги перед людьми, которые ломают ноги за просрочку. Коллекторы, Лешак. Ты знаешь, что это? Это люди, которые жгут детей в машинах, чтобы родители платили. Они были у меня. Они дышали мне в лицо. Они обещали, что я буду молить о смерти, но сначала отработаю ртом. Это та «жизнь», куда ты меня зовешь?

Она шагнула вперед, выходя из-за опоры стены. Теперь она стояла прямо в коридоре, лицом к лицу с Хозяином. Она была на голову ниже его, даже если не считать рогов. Она была слабее. Она была пуста. Но она больше не боялась.

— Там меня ждет только бетонная коробка, из которой меня выкинут через неделю, — продолжила Мия, и ее голос набирал силу. — Там меня ждет суд. Там меня ждет Дима, который сейчас, наверное, трахает какую-нибудь блондинку на мои последние деньги. Там меня ждет пустота, Лешак. Настоящая, человеческая пустота. Она страшнее твоего леса.

Лешак наклонил голову. Его человеческое лицо выражало нечто похожее на удивление. Древесная половина оставалась неподвижной маской.

— Ты выбираешь смерть здесь? — прошелестел он. — Среди моих корней? Ты даже не представляешь, как Навь переваривает чужаков. Ты сгниешь заживо. Твои легкие станут мхом. Твои глаза прорастут грибами. Ты будешь кричать, но из горла будет лезть только листва.

— Пусть, — Мия пожала плечами. Движение вышло ломаным. — Я скорее стану мхом в твоём лесу, чем вернусь туда. По крайней мере, твой мох не звонит по ночам и не угрожает продать почку.

Лешак молчал. Долгую, тягучую минуту он просто смотрел на нее. Вагон перестал стонать. Смола на стенах застыла. Слышно было только, как тяжело, с присвистом, дышит Мия, и как тихо, почти неслышно гудит зеленый росток в стакане.

— Глупая, — наконец произнес Хозяин. В его голосе не было злости. Только бесконечная, древняя усталость. — Какая же глупая человеческая душа. Вы держитесь за свою боль, как за спасательный круг, даже когда круг тянет вас на дно.

— Это мой круг, — отрезала Мия. — И мой стакан. Уходи.

Она сделала еще один шаг вперед, сокращая дистанцию. Это была безумная храбрость обреченного. Она ткнула пальцем в древесную грудь Лешака. Палец коснулся чего-то твердого, холодного и покрытого влажным мхом. — Ты не получишь его. Он мой. Он растет из меня. Попробуй забрать — и я выпарапаю тебе глаза. И человеческие, и деревянные.

Лешак посмотрел на ее палец, потом на стаканчик, который она сжимала так, что побелели костяшки.

— Ты не понимаешь, — его голос стал тише, интимнее. Он пах землей. — Ты думаешь, это спасение. Ты думаешь, что если ты останешься здесь, дерево в твоей руке сделает тебя сильной.

Он поднял свою огромную руку. Мия ожидала увидеть сучья, готовые пронзить ее, но Лешак раскрыл ладонь. На ней лежал не камень и не корень. Там лежал ее паспорт. Тот самый, который она бросила в сумочку перед побегом. Рядом с паспортом — ее банковская карта и ключи от квартиры с брелоком в виде Эйфелевой башни, который ей подарил Дима на годовщину.

— Отдай росток, — повторил Лешак вкрадчиво. — И я отдам тебе это. Я открою дверь вагона. Ты выйдешь на платформу. Там будет солнце. Там будет шум города. Твой долг аннулируют. Дима исчезнет из твоей жизни навсегда. Я просто... подчищу хвосты. Это моя работа. Я — Хозяин. Я навожу порядок. Твое место — там. Мое — здесь.

Мия посмотрела на ключи. На пластик карты. На солнце, которого она не видела трое суток. Желудок свело спазмом, но на этот раз это был не голод. Это была тоска. Такая острая, что захотелось выть. Теплая ванна. Чистая постель. Безопасность.

Ее рука, сжимающая стакан, дрогнула.

— В чем подвох? — хрипло спросила она, не отрывая глаз от ключей. — Навь не делает подарков.

— Подвох в том, — Лешак сжал ладонь, и пластик паспорта смялся, как бумага, — что ты вернешься *прежней*. Слабой. Пустой. И через месяц ты снова найдешь на пороге сухую ветку. Или таблетки. Или бритву. Потому что твоя жизнь — это не жизнь, Мия. Это ожидание

смерти в кредит. А здесь... здесь ты можешь стать корнем. Стать стеной. Стать Хозяйкой. Ты чувствуешь, как оно растёт в тебе? Оно даёт тебе структуру. Оно не даёт тебе сломаться.

Он был прав. Мия чувствовала это. Когда она кричала на потолок, боль в руке отступала. Когда она приняла решение драться, корни в предплечье налились силой. Дерево лечило ее. Дерево делало ее цельной.

— Я не хочу быть Хозяйкой, — Мия перевела взгляд с его ладони обратно на его лицо. — Я хочу просто не быть вещью.

Она перехватила стаканчик поудобнее. — Мой ответ — нет.

Лешак долго смотрел на нее. Его человеческий глаз закрылся. Когда он открылся снова, в нем плескалась черная, стоячая вода. Древесная половина лица пришла в движение. Кора на скуле треснула, расходясь, и из щели показался тонкий, острый побег, похожий на иглу терновника.

— Ты не понимаешь, от чего отказываешься, — пророкотал он. — Ты думаешь, что голодаешь. Ты съела полпачки крекеров.

Он поднял указательный палец-сук. — Посмотри на своих соседей, Мия.

Мия непонимающе моргнула. — Они ушли. Ты сам сказал...

— Я сказал, что они стали удобрением, — перебил Лешак. — Я не сказал, что они ушли. Удобрение остается на месте. Оно просто меняет форму.

Он посторонился, освобождая проход к двери купе, из которого она вышла. — Загляни.

— Нет, — Мия инстинктивно качнула головой.

— Загляни, — в голосе Хозяина лязгнул металл. — Чтобы ты знала цену своему «нет».

Мия сглотнула. Ноги были ватными. Она подошла к двери своего купе. Ручка-корень расступилась под ее пальцами, сочась желтым соком.

Она толкнула дверь.

Внутри было светло. Слишком светло для вагона без окон. Потолок исчез. Вместо него — крона гигантского дуба, сквозь которую пробивался мертвенный зеленый свет Нави.

Столик. На столике, там, где она оставила пачку крекеров, стояло кресло. Резное, деревянное, покрытое узорами, которые складывались в искаженное, кричащее человеческое лицо. Это была Петровна. Ее тело, сплющенное и вытянутое вдоль волокон, стало подлокотником. Ее голова, с застывшим в беззвучном вопле ртом, венчала спинку. Глаза были закрыты, но из уголков век тянулись тонкие, красные нити грибницы.

Мия перевела взгляд на нижнюю полку.

Там, где спала Галя, теперь росло дерево. Ствол был бледным, почти белым, как кожа. Из него, там, где должны быть ветви, торчали человеческие руки. Пальцы скрючились, вцепившись в матрас. А на самой вершине, вместо кроны, из шеи Гали росла огромная, мясистая, пульсирующая грибная шляпка. Она дышала.

Парня с верхней полки не было. На его месте, вмонтированная в потолок, висела люстра. Сделанная из берцовых костей и спинного мозга, оплетенного лианами.

— Они не испугались, — голос Лешака прозвучал прямо над ухом. Мия дернулась, едва не выронив стакан. Хозяин стоял за ее спиной, заполняя собой весь дверной проем. — Они просто не захотели платить цену. Стать деревом — это не смерть. Это вечность. Они выбрали не возвращаться. Они выбрали стать частью моего дома.

Мия смотрела на гриб на шее Гали. Шляпка медленно раскрылась, выпустив облачко светящейся черной пыли.

— Ты следующая, — прошептал Лешак. — Посмотри на свою руку. Корни уже в ключице. Еще три дня твоего «нет», и твои легкие забудут, как дышать воздухом. Ты станешь вот этим.

Он кивнул на кресло-Петровну. — Удобрением. Резным узором. Ты будешь красивой, Мия. Ты будешь молчать вечно. Это тоже своего рода покой.

Мия не могла оторвать глаз от кресла. Она видела брошку на груди Петровны — дешёвую стекляшку в форме сердечка. Брошка была вдавлена глубоко в дерево, стала частью его текстуры.

— Уходи, — голос Мии был пуст.

Она медленно повернулась к Лешаку. Она больше не дрожала. Страх выгорел дотла, оставив после себя только выжженную пустыню. Она смотрела на асимметричное лицо Хозяина и видела не чудовище. Она видела администратора. Бюрократа. Кладбищенского смотрителя, который просто хочет, чтобы могилы были ухожены.

— Я не верну тебе росток, — сказала она, глядя ему прямо в желтый человеческий глаз. — И я не стану твоим креслом.

Она подняла стаканчик чуть выше. Росток внутри качнулся, и один из его листьев коснулся ее щеки. Лист был влажным и прохладным. — Если я превращусь в дерево — значит, так тому и быть. По крайней мере, я буду расти вверх, а не гнить в бетонной коробке, ожидая, пока Дима спустит последние деньги.

Лешак моргнул. На секунду в его человеческом глазу промелькнуло что-то похожее на уважение. Или на скуку.

— Глупая, — повторил он в третий раз. — Какая же глупая, упрямая смертная.

Он не сделал резких движений. Он просто начал таять. Сначала исчезла древесная половина тела, осыпавшись на пол ворохом сухих листьев и черной земли. Затем начал истончаться человек. Его кожа посерела, пошла трещинами, как пересохлая глина.

— Ты сделала выбор, — прошепел его голос, когда от самого Хозяина остался лишь силуэт. — Теперь Навь сделает свой.

— Постой, — Мия шагнула вперед, но было поздно.

Лешак рухнул вниз горстью чернозема. Земля ударилась о линолеум и тут же впиталась в него, не оставив даже следа.

Вагон содрогнулся.

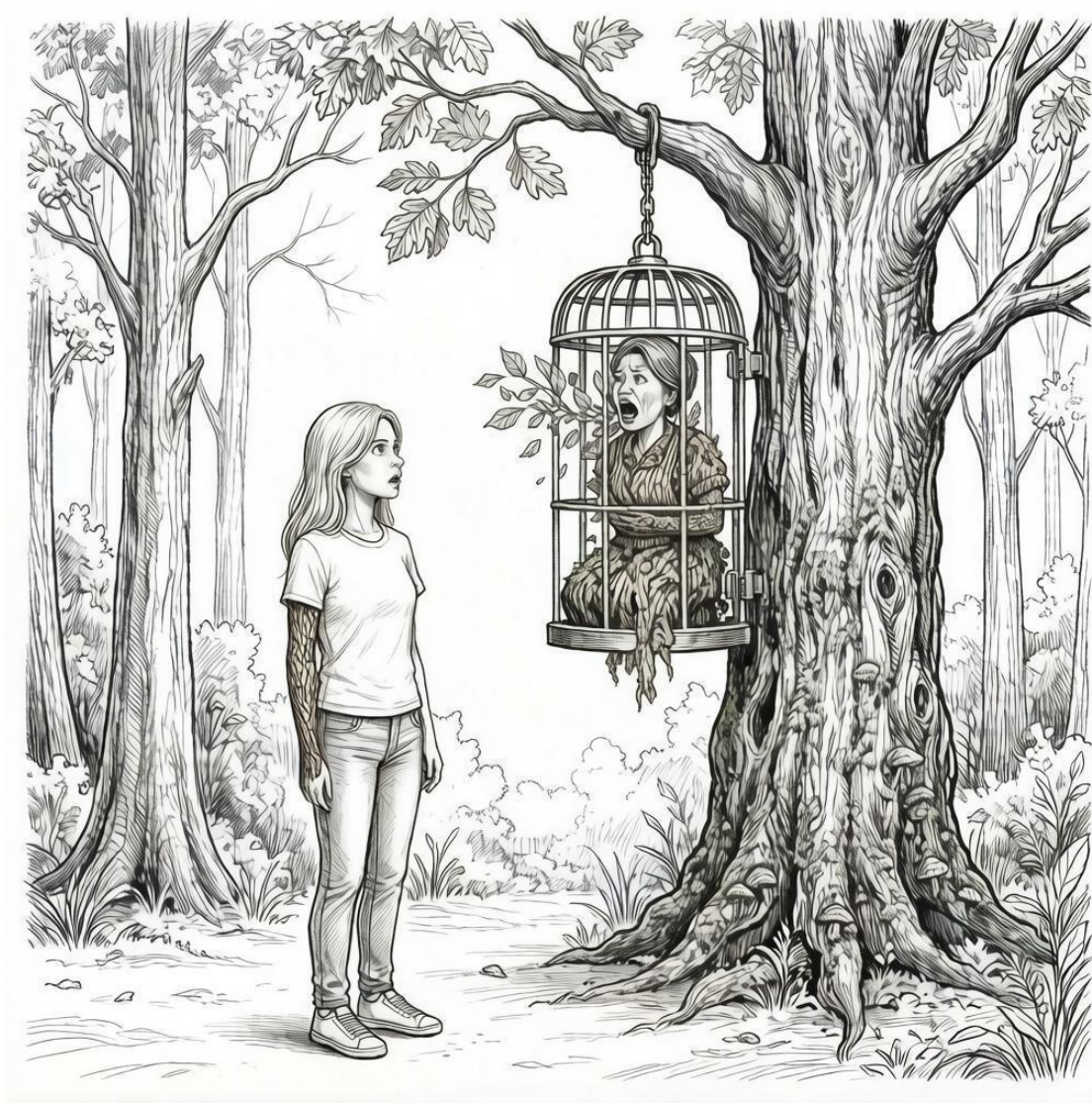
Это был не удар. Это был звук. Низкий, утробный рев, который издала сама земля под вагоном. Поезд, стоявший на камнях, качнуло так сильно, что Мия упала на колени. Стаканчик в ее руке чудом остался цел.

Свет в коридоре мигнул и погас.

Мия осталась в полной темноте, на коленях, посреди ледяного коридора, прижимая к груди единственное живое существо в этом вагоне.

Где-то вдалеке, в недрах Нави, с оглушительным треском рухнуло дерево.

Глава 7. Анатомия принятия

Тишина, наступившая после ухода Лешака, была иной. Если раньше тишина Нави была звенящей, пустой, готовой в любой момент взорваться скрежетом коры, то теперь она стала плотной, как вода на дне Марианской впадины. Она давила на барабанные перепонки, она заполнила легкие, не давая сделать полноценный вдох.

Мия стояла на коленях в ледяном коридоре вагона. Пальцы правой руки, сжимающие пластиковый стаканчик, свело судорогой. Она чувствовала, как ногти впиваются в ладонь, но разжать их не могла. Тело существовало отдельно от разума — автономный механизм, единственной задачей которого было не выпустить, не уронить, сберечь. Сберечь тридцать грамм чернозема и крошечный, влажный листик, прижатый к стенке стакана.

Левая рука, от плеча до запястья покрытая древесным узором, висела плетью. Корни, проросшие сквозь мышцы, больше не пульсировали хищно. Они замерли. Мия чувствовала, как они пульсируют в такт ее собственному, замедляющемуся сердцу, но это была не агрессия. Это было... ожидание.

Прошла минута. Мия не двигалась. Она смотрела на то место в полу, где исчез Лешак. Чернозем не оставил даже пыли. Линолеум выглядел абсолютно целым, если не считать тонкой, едва заметной трещины, которая теперь змеилась от двери купе Мии до самого титана.

Мия перевела взгляд на дверь своего купе. Она знала, что там. Кресло из Петровны. Люстра из парня. Белоснежный древесный ствол с грибной шляпкой на месте Гали. Но страха не было.

Это было настолько ненормально, настолько выбивалось из всех законов человеческой физиологии, что Мия едва не рассмеялась. Где-то в глубине живота, там, где у нормальных людей находится центр паники, сейчас было пусто. Абсолютно. Словно Лешак, уходя, забрал с собой не только надежду на возвращение, но и саму способность бояться.

Адреналин, гнавший ее кровь час назад, выгорел дотла. В крови остался только тяжелый, горький пепел.

Мия разжала пальцы правой руки. Пластиковый стаканчик не упал. Он просто сменил положение, теперь опираясь на тыльную сторону ладони. Росток внутри него качнулся, словно успокаивая ее.

— Я сошла с ума, — хрипло произнесла Мия в темноту коридора. Звук ее голоса не отразился от стен. Он просто умер, поглощенный тишиной. — Это защитная реакция. Психика не выдерживает перегрузки и отключает эмоции. Как предохранитель.

Она попыталась пошевелить левой рукой. Пальцы не слушались. Тогда она подняла правую руку и коснулась своего лица. Кожа была холодной, как оконное стекло зимой.

— Хорошо, — продолжила она монолог для самой себя. — Давай разберем ситуацию. Я сижу на коленях в проклятом поезде. Мой вагон стоит на камнях посреди леса, которого нет на карте. Мои попутчики стали мебелью. Хозяин леса предложил мне билет домой в обмен на единственное живое существо, которое во мне растет. Я отказалась.

Она сделала паузу, сглатывая вязкую слюну. Горло болело. — Итог: я осталась в лесу. Без еды. С половиной пачки крекеров. Без воды. С рукой, которая превращается в дуб. И без страха.

Мия запрокинула голову, глядя в потолок коридора. Там, где раньше мигала лампа дневного света, теперь пульсировал мягкий, малахитовый свет. Он исходил от ее собственной руки. Древесный узор на предплечье едва заметно светился в темноте, освещая пылинки в воздухе.

— В книгах, — вдруг сказала Мия, и голос ее стал чуть тверже, — в тех сотнях книг, которые я проглатывала в метро, в очередях, вместо обеда... там это всегда работало иначе.

Она закрыла глаза, погружаясь в воспоминания. Запах старой бумаги, шелест страниц, уютное кресло в съемной однушке, пока Дима не вынес ноутбук в ломбард. — Там всегда есть Система, — продолжила она, обращаясь к темноте. — Или Бог-Из-Машины. Появляется полупрозрачное окно: «Вы получили навык Древо Души. Уровень 1». Или находится говорящий кот, который объясняет правила игры. Или магическая академия, где ректор — твой тайный покровитель. Там попаданка всегда оказывается Избранной. У нее всегда есть скрытый потенциал. И всегда, слышишь, *всегда* все заканчивается хорошо. К тридцатой странице она уже принцесса. К сотой — архимаг.

Мия открыла глаза. Слез не было. Слезные железы, видимо, тоже отключились вместе со страхом. — А я? — она горько усмехнулась, и в темноте сверкнули белки глаз. — Какое я Избранная? Я — Мия Русалкина. Двадцать два года. Профиль: «терпила». Особые навыки: умение молчать, когда орут; умение делать вид, что верю в «кассовый разрыв»; умение подписывать кредитные договоры, не читая мелкий шрифт. Мой единственный актив — это тридцать грамм земли в стакане и долг в четырнадцать миллионов.

Она посмотрела на стаканчик. — Может, в этом и есть фишка? — прошептала она. — Может, Навь устала от Избранных? От этих Марти Сью с их магическими мечами? Может, ей нужен был кто-то, кто согласится просто... сгнить? Стать удобрением без сопротивления?

Она подтянула колени к груди, принимая более устойчивую позу. Коридор был бесконечно длинным и бесконечно узким. Ловушкой. — Лешак сказал, что я стану деревом. Креслом. Он думает, что это угроза. Что я должна цепляться за свою человеческую кожу, за свой паспорт, за свою пустую квартиру.

Мия провела здоровой рукой по джинсам. Пальцы наткнулись на прямоугольный край — внутренний карман. — А если нет? — она вытащила смятый, теплый от тела билет. Термобумага была мягкой. «Поезд 667-М». Место 24. — Что, если стать деревом — это не проигрыш? Что, если это единственный способ выиграть?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.